

¹¹ Печатали шкалы, вероятно, в академической типографии. В списке граверных досок, принятых 11 марта 1748 г. после происшедшего в здании «Кунсткамеры» пожара от Андрея Богданова, под № 102 значится «Барометр, одна доска в пол-листа» [18, с. 467].

¹² Имеется в виду, вероятно, преобразованная шкала Реомюра.

¹³ На распространение шкалы Реомюра также не мог не повлиять налаженный Ж.-Н. Делилем научный обмен между Россией и Францией. Г. К. Церава справедливо указывает, что шкала Реомюра появилась в России значительно раньше 1780-х годов [32, с. 61—62].

¹⁴ В современной метеорологической терминологии за термометром при барометре закрепилось название «термометр-атташе».

¹⁵ Хранятся в Государственном Историческом музее в Москве [5, с. 130—132, воспр.; илл. 63; 20, с. 35, кат. 80, воспр.: ф. 60].

¹⁶ Хранится в Государственном Эрмитаже [5, с. 135—136, воспр.: ил. 28; 20, с. 63, кат. 65, воспр.: ф. 121].

¹⁷ В Эрмитаж передан из Исторического отдела Государственного музея этнографии народов СССР. Ранее находился в Историко-бытовом отделе Государственного Русского музея, куда поступил в 1931 г. из Музея быта политпросветбазы Ленинградского областного отдела народного образования (бывший «Фонтанный дом» Шереметевых). Краткая публикация этого прибора была подготовлена нами для «Сообщений Государственного Эрмитажа» [15]. Размер прибора: 122,5×64,0 см.

¹⁸ До Великой Отечественной войны прибор находился в Гатчинском дворце [4, с. 61, воспр.: с. 60]. Его размеры 32,5×42,5 см. В связи с этим термометром П. П. Вейнер приводит следующие воспоминания: «[...] на стене, в амбразуре окна, висит градусник в очень красивой резной и позолоченной рамке. Уже упоминавшаяся фрейлина Муханова, записывая со слов отца некоторые чудачества Павла, говорит об его капризах по поводу топки комнат; он требовал, чтобы печь была холодная, и спал к ней головой, а температура в комнате должна была равняться 14 градусам, за чем тщательно сам наблюдал перед сном; и какие только не были ухищрения, на которые пускался его камердинер: бедный термометр то понижали притиранием льда, то искусственно подогревали, и государь это знал, но притворялся довольным, лишь бы безответная ртуть стояла на 14 делениях. Этот градусник еще любопытен тем, что рассчитан на показания не только по Реомюру, но и по Делилю — совершенно забытому ныне исчислению».

А. В. ЮРЕВИЧ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ В КОГНИТИВНЫЕ ЦЕЛИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одна из центральных проблем современного науковедения — взаимосвязь когнитивной и социальной составляющих науки. Основная тенденция в ее решении — утверждение приоритета когнитивного над социальным, «мира людей» над «миром идей». Этот приоритет довольно условен, поскольку когнитивный строй науки оказывает обратное влияние на ее социальную основу, однако все же отчетливо обозначен, что отражает **надстраивание** когнитивного аппарата науки и над системой ее социальных связей, и над психологией ученого — **человека**, осуществляющего научное познание. Генетическая первичность социального опыта перед профессиональным в индивидуальном развитии ученого и историческая первичность социальной структуры общества перед наукой, являющейся одним из ее поздних проявлений, делают когнитивную составляющую науки надстраиваемой над ее социальными условиями и зависимой от них.

Эта позиция, объединяющая различные подходы к анализу науки и результирующая ее многочисленные исследования, находится в противоречии с основными концепциями, объясняющими развитие науки. Каждая из них описывает развитие науки прежде всего как развитие научного **знания**, а не его социальных условий, построена в рамках логики, отдающей приоритет когнитивной составляющей. Эта логика выражается в категориях, фиксирующих основные «единицы» развития науки и релевантных главным образом ее когнитивному контексту. Таковы «парадигма» Т. Куна, «исследовательская программа» И. Лакатоса, «гипотеза» К. Поппера, «тема» Дж. Холтона, «исследовательская традиция» Л. Лаудана и др. На первый взгляд эти категории и соответствующие им концепции фиксируют не только само знание, но и социально обусловленные способы его производства, включают в снятом виде характеристики субъекта, осуществляющего познание. Так, «парадигма» концентрирует способ видения изучаемой реальности научным сообществом; «исследовательская программа» и «исследовательская традиция» также характеризуют намерения и установки сообщества ученых и в результате релевантны не только когнитивному, но и социальному контексту науки. Эта релевантность вроде бы подтверждается первостепенной ролью, отводимой социальным факторам в концепциях Т. Куна, Л. Лаудана, И. Лакатоса и др. Однако каждая из них построена с ориентацией на анализ научного знания, которое вследствие онтологического использования соответствующих категорий начинает видаться как связанное с социальным контекстом и во многом предопределенное им, а он соответственно превращается в условие видения когнитивного контекста, но не становится предметом самостоятельного интереса. В обозначенных категориях зафиксиро-

вано взаимодействие субъекта и объекта научного исследования, однако в терминах, относящихся к объекту и смещающих анализ к его полюсу. Такое строение категорий приходит в противоречие с логикой их использования, предопределенной приоритетом социальной составляющей науки. В результате возникают парадоксы (например, объяснение Т. Куном научной парадигмы через научное сообщество, а научного сообщества — через научную парадигму [1]), являющиеся следствием расхождения между логикой формирования и логикой онтологического использования категорий. Подобные парадоксы закономерны при анализе реальной научной деятельности, в которой приоритет принадлежит социальным условиям, на основе категорий, в способе построения которых зафиксирован приоритет когнитивной составляющей. В этом несоответствии заключается одна из причин эклектизма объяснений науки и отсутствия ее всеобъемлющего объяснения.

Наиболее верным выходом из методологически противоречивой ситуации, тормозящей развитие науковедческого анализа, является приведение понятий, используемых для изучения научной деятельности, в соответствие с ее реальной детерминацией, дополнение когнитивно ориентированных категорий понятиями, фокусирующими социальный контекст науки. В центр новой системы понятий было бы целесообразно ввести категорию «действие», выражающую «единицу» научной деятельности, а не научного знания. Любая деятельность структурирована в действиях и соответственно на уровне действий ученых представлены, а иногда и закладываются основные характеристики научной деятельности. Действие является фокусом изучения социальных процессов, и закономерно, что теории действия, разработанные Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом и др., играют в структуре социологического знания центральную роль.

К действиям, на которые распадается научная деятельность, применимы многие виды знания о действиях вообще, что в принципе может существенно расширить представления о научной деятельности. Однако научные действия имеют и свои особенности, выражающие специфику той деятельности, «единицей» которой они являются. Прежде всего научная деятельность трехаспектна [2], и соответственно действия ученых одновременно погружены в ее когнитивную и социальную составляющие. Социальная составляющая распадается на социальность наиндивидуальную и социальность индивидуальную, тождественную психологической. Трехаспектное видение научной деятельности (и соответственно научного действия) имеет преимущества перед ее двумерным представлением, поскольку осуществляет дифференциацию двух принципиально различных видов социальности, необходимую при перенесении на нее фокуса анализа. В научном действии представлены и взаимодействуют когнитивный строй дисциплины, ее социальный контекст и психология ученого, что делает его адекватным и в то же время более конкретным и более отвечающим возможностям исследования, нежели научная деятельность в целом, объектом ее анализа. Однако протяженность действия в системе трех измерений науки определяет его состав, но не структуру, выявление которой требует анализа соотношения друг с другом его когнитивной, социальной и психологической составляющих.

Два взаимодополняющих способа построения этой структуры представлены двумя направлениями науковедческого анализа: социологией науки и психобиографией, акцентирующими соответственно социальные и психологические основания научной деятельности. Эти подходы объединяет представление о приоритете социальной составляющей науки, обусловленности научного знания социологическими и психологическими факторами. Различаются они тем, как конкретно видится детерминация когнитивного социальным, какие именно социальные факторы кладутся в основу научного познания.

Социологические исследования показывают, что когнитивно оформленные действия ученых в действительности социально ориентированы. Когнитивная направленность действия отражает его замыкание на когнитивных целях и под-

чиненность существующим нормам научного познания. Научное действие почти всегда имеет реальную или декларируемую когнитивную цель: направлено на приращение научного знания, разработку новых исследовательских технологий, проверку гипотез и т. д. Эта цель определяет когнитивный смысл действия и создает впечатление его ориентированности именно на когнитивный контекст науки. Здесь возникает традиционная ошибка в интерпретации исследовательских действий, которая лежит в основе образа науки, сложившегося внутри нее, распространившегося за ее пределы и долгое время дезориентировавшего науковедческий анализ. Цель действия отождествляется с его причиной, непосредственно проецируется на его мотив. Происходит то, что по аналогии с феноменом «сдвига мотива на цель», выявленным А. Н. Леонтьевым [3], можно назвать «сдвигом цели на мотив», но не в самом поведении, а в его интерпретации. Действия ученых представляются как мотивированные теми самыми когнитивными целями, на которые они направлены. В результате создается впечатлительное погруженности исследовательских действий всецело в когнитивный контекст, отсутствия их социальных корней.

Этот образ действия и соответственно научной деятельности закрепляется ее традиционными ориентирами. Со времен Ньютона ученые стремятся «вычитывать» из научного знания и из обоснования своих действий все субъективное, строить их так, будто они всецело вытекают из природы изучаемых объектов и правил их познания. Знаменитое кредо Ньютона: «гипотез не измышляю», выражавшее, как показывает А. Койре, отношение ученого не к самим гипотезам — их он строил неоднократно, а к их **измышлению**, т. е. к построению знания, вытекающего не из объекта, а из субъекта познания, стало твердым ориентиром науки Нового времени [4]. Этот ориентир вначале определял способ построения **знания**: «В содержании физического знания имеет смысл независимого от человека физического мира, все остальное должно быть устранено из теоретических систем как сугубо субъективное, не имеющее отношения к природе» [5, с. 245]. Затем он распространился также на способ описания и обоснования исследовательских **действий**, охватив, в силу неизбежной трансляции методологических нормативов из более развитых дисциплин в менее развитые [6], все науки. Этот ориентир формирует образ исследовательского действия как мотивированного той самой когнитивной целью, на которую оно направлено, и накладывает «вето» на социальные и психологические мотивы, связанные с его субъективным смыслом для ученого. Норма «незаинтересованности», описанная Р. Мертоном, заставляет ученых «скрывать от самих себя свои наиболее сокровенные мысли» [7, с. 5], выдающие обусловленность исследовательских действий личными интересами.

Углубление в социальный контекст научной деятельности, осуществленное социологией науки, показывает невозможность «незаинтересованного познания» и мотивированность исследовательских действий социальными интересами ученых. Исследования М. Блиссетта [8], Дж. Гилберта [9], С. Ярли [10], М. Линча [11], Дж. Гилберта и М. Малкея [12] и др. показывают, что действия ученых, формально определяемые когнитивными целями, в действительности обусловлены социальными мотивами, выражающими личные и групповые интересы. Однако нормы научной деятельности заставляют ученых маскировать истинные мотивы и замещать их когнитивными целями, преподнося действия как обусловленные когнитивным контекстом. В результате возникают и разграничиваются между собой два уровня построения действий — реальный и конвенциональный, получающие отражение в двух способах их интерпретации, распространенных среди ученых. Один способ, названный Дж. Гилбертом и М. Малкеем «эмпиристским репертуаром», характеризуется тем, что «профессиональные действия и профессиональное поведение ученых описываются как жестко обусловленные свойствами изучаемых природных явлений» [12, с. 81]. Второй способ, обозначенный как «условный репертуар», заключается в том, что

«действия ученых предстают не как однозначные реакции на свойства природного мира, а как суждения конкретных лиц, действующих под влиянием своих индивидуальных склонностей и своего специфического места в системе социальных связей» (Там же, с. 82). Два уровня построения и интерпретации действий надстраиваются друг над другом: действие формируется в социальном контексте и определяется социальными мотивами, однако в процессе включения в формальное научное общение обрывает объективными смыслами и «прикрывается» когнитивными целями. Процесс конвенционализации действий и вытеснения их социальных оснований показан М. Линчем. Действие зарождается в контексте неформального научного общения, внутри «лабораторной жизни», обосновывается и оценивается путем апелляции к здравому смыслу и социальному опыту участников. Затем, по мере доведения действия до контекста формального научного общения (публикаций, публичных выступлений и т. д.) оно оформляется в соответствии с нормами науки, его социальные основания вытесняются когнитивными [11].

Таким образом, действия ученых порождаются социальными мотивами, однако по мере приспособления к официальным нормам науки переинтерпретируются на основе приоритета когнитивных целей, которые «сдвигаются» на их мотивы. Этот способ порождения и модификации действий универсализирован «концепцией интересов» [13], развитой Д. Блуром, Б. Барнсом, Д. Маккензи и др. Согласно этой концепции, в основе поведения ученых всегда лежат их социальные, как правило политические, интересы, а научное знание используется как средство их реализации. Обобщение основано на том, что любое приращение или опровержение существующего знания дает ученому какой-нибудь личный результат: ученую степень, статус в сообществе, денежное вознаграждение и т. д., которые значительно ближе и важнее для него, чем изменения, производимые в когнитивном строе науки, предвосхищаются им и формируют истинные мотивы его действий. Эмпирические исследования подтверждают эту логику, показывая, что за декларируемыми когнитивными мотивами исследовательских действий всегда стоят явные или скрытые социальные мотивы, более существенные для ученого. Однако социальные мотивы при этом отождествляются «концепцией интересов» с социальными **интересами**, что значительно сужает область возможных мотивов. Интерес, во-первых, осознан, во-вторых, рационален, предписывает только те действия, которые объективно выгодны ученому. Соответственно социальный мотив, который рассматривается социологией науки в качестве универсального основания исследовательских действий, предстает как осознанное стремление ученого добиться личной выгоды с помощью достижения определенных когнитивных результатов.

Психобиография, аналогичным образом трактуя общую схему детерминации действий, принципиально иначе объясняет их основания. Она представляет собой построенный на психоаналитических позициях анализ биографий ученых [14] и, как и социология науки, принимает производность когнитивной части действия от его социальной основы, а его когнитивные цели — как **средство** реализации социальных мотивов, однако социальную основу действия подает как его личностно-психологический мотив, который не только не тождествен социальному интересу личности, но во многих случаях вступает с ним в противоречие. Психологические мотивы видятся как манифестация достаточно универсальной для данной личности мотивационной структуры, являющейся закреплением и трансформацией наиболее значимых для нее эмоциональных переживаний. Мотивы научных действий формируются из способов решения ученым его психологических проблем, и соответственно действия предстают как направленные по форме на приращение научного знания, а по содержанию — на сублимацию и компенсацию глубоких личностных переживаний. Согласно психобиографической логике, такой способ детерминации действий формирует общую направленность деятельности ученого и проявляется в научном знании, которое является ее результатом. Характер эмоциональных проблем ученого и типич-

ный для него способ их решения определяют выбор объектов и путей их изучения, в которых одновременно реализуется самопреодоление личности. Например, как показывает Х. Перри, один из крупнейших психиатров XX в. — Дж. Салливен, отбирая пациентов и способы их лечения, руководствовался мотивом, обращенным на свою личность, — «создавал мир, в котором он сам мог жить без угрозы своей само-оценке» [15, с. 197]. Формы самопреодоления личности определяют способ видения природных объектов и результаты их изучения, осуществляемого под влиянием проекции на них психологического опыта ученого. Так, Ф. Манюэль объясняет открытие Ньютоном закона всемирного тяготения проявлением центрального компонента его психологического опыта — тяги к матери, с которой он был разлучен в детстве: это влечение всю жизнь преследовало ученого, переживалось и рефлексировалось им, постепенно оформлялось в понятие, сначала сопряженное только с социальным опытом, но впоследствии абстрагированное от него и перенесенное на мир природы [16].

Психобиографические интерпретации опираются на многочисленные факты обращения личности к науке как средству решения своих внутриличностных проблем, проецирования человеком опыта самоанализа на другие — социальные и физические — объекты, применения представлений, отработанных в осмыслении социального мира, к миру природы. Как и «концепция интересов», это направление придает своей схеме детерминации действий универсальный характер. Однако психологические мотивы, возводимые психобиографией в роль универсальной причины исследовательских действий, отличаются от социальных интересов тем, что, во-первых, как правило, не осознаны ученым, во-вторых, не-рациональны, являются проявлением внутренних противоречий личности. Обе характеристики психологического мотива относительны. Он обычно не осознан ученым в качестве мотива именно данного исследовательского действия. При этом мотив может быть осознан и сам по себе, и в отнесении к эмоциональным потребностям ученого, но не к его научной деятельности. Осознанию могут подвергаться и сами исследовательские действия, но не в связи с их психологическими мотивами, т. е. мотив остается неосознанным, когда хотя бы один из элементов мотивационной структуры действия — сам мотив, определяемое им действие или их связь — остается вне сознания ученого. Именно такой смысл психобиография вкладывает в неосознанность психологических мотивов. Не-рациональность мотива проявляется в том, что он выражает не-рациональные, разрушительные для личности эмоциональные переживания. В то же время он рационален — в том смысле, что порождает действие, во-первых, объективно возвышающее личность, во-вторых, компенсирующее и сублимирующее и, таким образом, смягчающее внутренние конфликты. И тем не менее в отличие от социального интереса психологический мотив находится в косвенном отношении с тем, что объективно выгодно для ученого, может подталкивать к достижению объективно невыгодного результата, определяет действие, оставаясь сам по себе или как его детерминанта вне сознания ученого.

В отношении социального интереса и психологического мотива выражено соотношение двух схем детерминации действия, построенных социологией науки и психобиографией. Их соотнесение демонстрирует ограниченность каждой. Сведение этой детерминации к социальному интересу обрывает ее на полпути, чрезмерно рационализирует поведение и сужает его мотивационный базис. Социальные интересы фиксируют не мотивы как таковые, а определенный **результат** их включения в социальную структуру науки, на уровне которой действия не порождаются, а выражаются. Несамодостаточность социальных интересов, их производность от психологических мотивов и опосредованность этой связи многими факторами показаны психобиографическим анализом, который одновременно опровергает и дополняет модель детерминации действия, отработанную социологией науки. В то же время психобиография пропускает то, что социология науки делает своим основным объектом, — внеличностную социальную основу действия, опосредующую связь между его психологическим

мотивом и когнитивной целью. Психологический мотив **прямо** проецируется ею на цель действия и его результат — вырабатываемое знание, что свертывает структуру действия и порождает интерпретации научного знания, нередко проходящие в противоречие со здравым смыслом. В действительности психологический мотив и когнитивная цель действия разделены социальным выражением мотива, роль которого показывает социологический анализ, расширяя в результате схему действия, построенную психобиографией.

Дополнение и опровержение двумя моделями действия друг друга проясняет его наиболее распространенную структуру. Действие трехкомпонентно: оно включает психологическую, социальную и когнитивную части, что является сохранением в нем трехаспектной структуры научной деятельности [2]. Элементы действия иерархически организованы в соответствии с ролью, которую они играют в его генезисе. В основе действия лежит личностно-психологический мотив, фиксирующий ожидаемый результат в отношении к личностным потребностям ученого. Этот мотив преломляется социальной структурой, в которую включен ученый. Результат их взаимодействия, характеризующий отношение мотива к социальным средствам его реализации, определяет социальную направленность действия. Она может совпадать с социальным интересом ученого, а может не соответствовать его социальным интересам, но отвечать его психологическим потребностям. Социальная направленность действия опредмечивается в его когнитивной цели, придающей действию конвенциональный смысл, соответствующий нормам научной деятельности и в то же время являющийся средством реализации его социальной цели. Таким образом, три компонента действия — психологический, социальный и когнитивный — соответствуют трем последовательным уровням его построения: в основе лежит психологический мотив, формирующий в результате включения в социальный контекст социальную направленность действия, которая, вступая во взаимодействие с нормами науки и ее когнитивным строем, определяет его когнитивную цель. В процессе генезиса действия над внутриличностным психологическим уровнем его детерминации надстраивается внеличностный социальный уровень, а над ним — когнитивный. Действие сначала формируется в его отношении к субъекту, затем — к социальному контексту и лишь впоследствии — к объекту научной деятельности.

Эта структура научного действия запечатлена в восприятии ученых, точнее в основной составляющей восприятия — **в причинном осмыслении** воспринимаемых действий.

Эмпирические данные, полученные автором, показывают, что существует два основных способа восприятия науки учеными, соответствующие «условному» и «эмпиристскому» «репертуарам», выявленным Дж. Гилбертом и М. Малкем [12]. Один способ восприятия, «предметный», характеризуется тем, что исследовательские действия объясняются в основном когнитивными факторами, относящимися к предметному содержанию научной деятельности: особенностями разрабатываемых проблем, состоянием знания о них и т. д. Другой способ восприятия, «социальный», характеризуется видением исследовательских действий как следствия их социального контекста и соответственно объяснением такими факторами, как интересы ученых, их личностные характеристики, межличностные отношения и др.

Однако экспликация внутреннего строения перцептивных структур, объединяющихся в перцептивные стили, показывает, что они не рядоположны, а надстраиваются друг над другом. В основе **неразвернутых** перцептивных структур, построенных на связывании объясняемых действий с какой-либо **одной** причиной, лежат преимущественно когнитивные или социальные факторы — в зависимости от того, в рамках какого стиля они функционируют. Однако **развернутые** перцептивные структуры, в которых объясняемое действие связывается с **двумя или несколькими** соподчиненными причинами, обнаруживают явный приоритет социальных факторов. В основе таких структур в подавляющем

большинстве случаев (92,3%) лежат социальные причины, а когнитивные причины надстраиваются над ними в качестве их следствия. Этот приоритет сохраняется в рамках обоих перцептивных стилей, что позволяет считать «когнитивный» стиль «свернутым» способом восприятия науки, не восходящим до уровня социальных причин. В свою очередь психологические причины действия, отражающие его внутриличностную детерминацию, в развернутых перцептивных структурах имеют явный приоритет перед теми социальными причинами, которые выражают его внеличностную обусловленность (соответственно 69,8% и 22,5%). Таким образом, развернутые перцептивные структуры, эксплицирующие разветвленные и систематизированные представления ученых о детерминации научной деятельности, показывают, что в нем зафиксирован ее образ, в котором внутриличностная психологическая, внеличностная социальная и когнитивная детерминации последовательно надстраиваются друг над другом. В этом образе иерархия трех уровней детерминации действия сопровождается достаточно однонаправленной каузальной связью: социальный уровень воспринимается как обусловленный психологическим, а когнитивный — психологическим и социальным [17].

Иерархическая структура действия, запечатленная в восприятии ученых, не является однозначным выражением его действительной структуры. Перцептивный образ научной деятельности не копирует реальность, он **строится** субъектом, является результатом взаимодействия многочисленных субъективных факторов и никогда не соответствует ей полностью. Помимо этой неизбежной субъективности существуют и два других существенных отношения перцептивного образа к реальности. Во-первых, этот образ, хотя и субъективно обусловлен, но всегда **в какой-то степени** адекватен реальности. А статистический анализ восприятия, наложение друг на друга различных субъективных образов науки, позволяет вычленить интерсубъективный образ, который, усредняя индивидуальную субъективность, приближается к объективности. Во-вторых, восприятие не просто отражает — адекватно или неадекватно — структуру исследовательских действий, но и руководит ими. Ученый, как и всякий человек, верит в то, что его образ действия адекватен реальности, и строит свои действия в соответствии с этим образом. В результате восприятие оказывает на поведение обратное влияние, оно не только отражает, но и **создает** реальность. Поэтому детерминацию исследовательских действий, зафиксированную в восприятии ученых, можно считать в значительной степени соответствующей их действительной детерминации.

Полученные данные одновременно показывают, почему трехчленная структура исследовательских действий может противоречить повседневному опыту ученых и обобщающим его науковедческим представлениям, непосредственно проецирующим когнитивные цели действий на их мотивы. Социальные и психологические причины проступают только в развернутых, эксплицированных феноменальных структурах и могут оставаться за пределами сознания ученых, подконтрольного нормам научной деятельности и «защитным» механизмам, удаляющим из него эмоционально нежелательный опыт. В таких случаях, типичных для повседневной рефлексии, фиксируется не вся порождающая структура действия, а только ее внешняя часть, отделенная от социальных и психологических причин.

Психологическая обусловленность действий ученого универсальнее, чем может показаться на первый взгляд. Даже тогда, когда потребность в знании выражает не средства, а основу действия, она не тождественна его когнитивной детерминации. Внешне она проявляет себя как потребность в знании как таковом, в знании — ради — знания, и поскольку оно **объективно** содействует решению каких-либо внутринаучных или общечеловеческих проблем, соответствующий мотив приписывается и личности, объективное значение знания проецируется на мотивы действий, его порождающих. Однако часто знание не самоценно для личности и не ценно в связи с его объективным значением,

а обретает смысл как средство решения внутриличностных проблем, восстанавливая эмоционально рассогласованные внутриличностные когнитивные структуры. Этот внутриличностный смысл знания, определяющий приоритет знания — для — личности над знанием как таковым, показан психологическими теориями «когнитивного соответствия», в первую очередь теорией «когнитивного диссонанса» [18]. В результате действия, непосредственно обусловленные когнитивной целью, — потребностью в знании, нередко обнаруживают в своей основе эмоционально-личностный мотив.

Трехступенчатая структура действия, выражающая надстраивание социального уровня над психологическим, а когнитивного — над социальным, часто не соответствует структуре **текущего** действия, в которой исходные психологические и социальные причины остаются «за кадром»; когнитивные цели могут в свою очередь порождать вторичные психологические мотивы и т. д. Однако она, как правило, явно или скрыто представлена в процессе **порождения** действия, в чем проявляется более общая иерархическая структура: существование, во-первых, научного знания как продукта научной деятельности, во-вторых, научной деятельности как частного случая человеческой деятельности вообще.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
2. Ярошевский М. Г. Структура научной деятельности // *Вопр. философии*. 1974. № 11. С. 97—109.
3. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.
4. Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985.
5. Дышлевый П. С. Идеалы и нормы объяснения и описания как методологические предпосылки физического познания // *Идеалы и нормы научного исследования*. Минск, 1981. С. 241—259.
6. Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Идеалы объяснения и проблема взаимодействия наук // *Идеалы и нормы научного исследования*. Минск, 1981. С. 260—279.
7. Merton R. K. *On Theoretical Sociology*. N. Y., 1967.
8. Blissett M. *Politics in Science*. Boston, 1972.
9. Gilbert G. The transformation of research findings into scientific knowledge // *Social Studies of Science*. 1976. V. 6. P. 281—306.
10. Yearley S. The dictates of method and policy: Interpretational structures in the representation of scientific work // *Human studies*. 1988. V. 11. № 2/3. P. 341—359.
11. Lynch M. Art and artefact in Laboratory science: A study of shop work and shop talk in a research laboratory. L., 1985.
12. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. М., 1987.
13. Современная западная социология науки. М., 1988.
14. Мошкова Г. Ю., Юревич А. В. Психобиография — новое направление в изучении науки // *ВИЕТ*. 1989. № 3. С. 67—75.
15. Perry H. S. *Psychiatrist of America*. Massachusetts, 1982.
16. Manuel F. E. *A portrait of Isaak Newton*. Harvard, 1968.
17. Юревич А. В. Социальное восприятие ученых // *Рук. деп. в ИНИОН АН СССР*. М., 1988.
18. Festinger L. *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, 1987.

А. В. КОЛЬЦОВ

ВЫБОРЫ В АКАДЕМИЮ НАУК СССР В 1929 г.

Конец 20-х — начало 30-х годов отмечены крупными преобразованиями в жизни Академии наук СССР. Был осуществлен ряд мероприятий по ее реорганизации. Необходимость перестройки вытекала из тех новых задач, которые тогда встали перед наукой. Процесс перестройки коснулся всех сторон деятельности Академии наук. Пересмотр и расширение сети академических учреждений, организация первых филиалов и баз, переход к планированию и коллективным формам исследований, создание аспирантуры, проведение выездных сессий — таковы некоторые из аспектов перестройки. Она была нацелена на повышение роли Академии наук как высшего научного учреждения СССР, главного центра фундаментальных исследований в стране.

Одним из главных направлений перестройки являлось обновление научных кадров, пополнение личного состава Академии наук.

В апреле 1928 г. в центральной печати было опубликовано сообщение «От Академии наук СССР», в котором говорилось о вакантных кафедрах: предстояло избрать 42 новых академика. В сообщении одновременно приводились выдержки из Устава АН СССР, касающиеся порядка выборов [1].

В соответствии с академическим Уставом, принятым в июне 1927 г., право выдвижения кандидатов в академики предоставлялось научным учреждениям, отдельным ученым и их группам, общественным организациям страны. Срок выдвижения ограничивался двумя месяцами со дня публикации об открывшейся вакансии. Затем список кандидатов подлежал публикации в печати с таким расчетом, чтобы научная общественность имела возможность высказать свое мнение о целесообразности или нецелесообразности избрания тех или иных кандидатов.

По истечении двух месяцев после публикации в газетах списка кандидатов президиум АН СССР должен был образовать выборные комиссии в составе как академиков, так и представителей научных учреждений союзных республик — по одному от каждой республики. Задача выборных комиссий заключалась в том, чтобы довести до сведения отделений АН СССР свои заключения о кандидатах, признанных ими достойными к избранию в академики. С учетом этих заключений в отделениях должна была производиться баллотировка кандидатов в академики путем тайного голосования. Избранные отделениями кандидаты в академики подлежали баллотировке на заседании Общего собрания АН СССР [2].

Предусмотренный Уставом 1927 г. порядок избрания новых академиков строился на основе принципов демократизации и широкой гласности.

В мае—июне 1928 г. в Академию наук буквально хлынул поток писем, те-